
Андрей Шпирт
(Москва, Россия)

Центр украинистики и белорусистики, исторический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова

Кандидат исторических наук

E-mail: futesas@gmail.com

ORCID: 0000-0002-0611-9809

Artur Markowski. *Przemoc antyżydowska i wyobrażenia społeczne. Pogrom białostocki 1906 roku*

Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 2018.

ISBN: 9788323535461. 514 p.

DOI: 10.31168/2658-3364.2020.1.17

Революционные события 1904–1907 гг. имели форму гражданского противостояния и проходили в виде вооруженных столкновений различных общественных групп, одни из которых были лояльны самодержавной власти, другие – революционной стихии. Наиболее жесткой формой противостояния стал погром, объектом которого чаще всего становилось еврейское население. При этом под «погромом» могут понимать события разные по форме, обстоятельствам и причинам. Они могли возникать в результате случайной ссоры на рынке или во время религиозных и праздничных процессий, или, например, проходить на фоне армейской операции против взбунтовавшейся толпы. В исторической литературе продолжается дискуссия о том, были ли погромы инициированы и организованы правительственными чиновниками. По мнению одних, в условиях потери контроля над ситуацией власти мало что могли организовать и тем более не были заинтересованы в распространении и углублении социального хаоса. С другой стороны, в общественном мнении евреи ассоциировались с революцией, и власти при помощи антиеврейского насилия, возможно, пытались сбить революционную волну [Rogger 1986; Aronson 1990; Klier 2011]. Одним из эпицентров революционного движения стали западные окраины Российской империи. Особое место в этом ряду занимает Белосток – промышленный город в Гродненской губернии с почти сотысячным населением. В начале XX в. он стал одним из главных центров анархистского движения. Революционеры убивали постовых и городских, бросали бомбы в кварти-

ры чиновников и фабрикантов, грабили лавки и магазины. В июне 1906 г. в городе произошел еврейский погром (С. 378, 390), унесший жизнь восьмидесяти евреев, несколько сотен получили ранения, и это был один из самых кровавых погромов в истории России. Монография А. Марковского «Антиеврейское насилие и коллективные представления. Белостокский погром 1906 г.» рассказывает о погроме и его восприятии современниками, ученым сообществом, его месте в коллективной и социальной памяти. Книга разделена на две части и состоит из десяти глав. В первой части «Коллективные представления» уделяется внимание первым реакциям на погром в периодической печати, публицистике и в художественной литературе, а также его изучению в историографии. Во второй – «Практики коллективного насилия» – автор дает всесторонний анализ погрома в Белостоке с точки зрения новейших историографических подходов, в которых насилие выступает как один из способов социальной коммуникации; оно всегда «культурно сконструировано, имеет смысл, символику и ритуал». В завершающей главе А. Марковский дает беглый обзор погромов в России, Пруссии и Австрии, а также приводит примеры этнического насилия в США и в Юго-Восточной Азии, где жертвами нападений становились афроамериканцы, китайцы-католики или пакистанцы-христиане.

Необычная структура книги отвечает историко-социологическому подходу, источником для которого послужили труды французского социолога Э. Дюркгейма и варшавской школы идей (Б. Бачко и др.). Э. Дюркгейм выделял несколько уровней в восприятии и конструировании знания, формирующего наше мировоззрение, картину мира, социальную и культурную солидарность: обыденный опыт, художественные впечатления и философская рефлексия, идеология и общественное мнение и, наконец, научное знание. Для Дюркгейма и его школы важно, что социальные и культурные сферы должны исследоваться в терминах символических классификаций, в то время как реальные события могут иметь второстепенную или производную роль. Это не означает, что, подобно ученику Дюркгейма Морису Хальвбахсу, А. Марковский противопоставляет историю и историческую память; между первой и второй частью книги существует целый ряд пересекающихся тем: внешнеполитический аспект антиеврейского насилия, реакция на погром в русских, еврейских и польских политических кругах; образы белостокских полицейских Деркачева и Шереметова, которые в исторической памяти и в научной литературе обрели черты настоящих литературных героев, могут быть отнесены как к категории коллективного воображения, так и политического аспекта белостокского погрома. Автору важно подчеркнуть, что мифологизированный образ события, парамнезия и конфабуляции в сознании людей играют большую роль, чем события *per se* (С. 33–34). Эти же идеологизированные стереотипы формируют историческую память, оказывают влияние на общественное мнение и на научное знание, например, на убеждение историков в том, что государство играло ведущую роль

в организации и в управлении погромной волны. Это представление, возникшее в оппозиционной к царскому режиму среде русских марксистов и либералов, было прочно укоренено как в общественном мнении, так и в историографии и, по словам А. Марковского, превратилось в «научную парадигму». Задача автора – написать настоящую историю белостокской трагедии и сделать коллективное представление об антиеврейском насилии более объемным и нюансированным. Иными словами, научное знание не более чем часть укоренившихся в обществе коллективных представлений и не противоположно им. А. Марковский ставит задачу исследовать «социальное происхождение коллективного насилия и его историческое восприятие» (С. 33–34). По словам автора, в своей книге он проливает свет не только на коллективные формы антиеврейского насилия, но и на политический конфликт и международное значение белостокской трагедии (С. 24).

В книге дан анализ причин погрома, его развития и последствий, действий еврейской самообороны, толпы, полицейских и армейских сил. Используя методы культурной антропологии, А. Марковский исследует роль слухов и эмоций, моральную экономику, заживление ран (чувства вины, стыда, забвения), городское пространство и его материальные особенности. Изучая газетные публикации, листовки и прокламации, автор обращает внимание на интонацию, подбор и интерпретацию фактов, употребление штампов и оборотов.

Исследование опирается на широкий круг архивных и опубликованных источников. Это судебные материалы, журнальные и газетные статьи, переписка между чиновниками разного уровня, дипломатическая корреспонденция и посольские депеши, а также надгробные эпитафии, музейные экспозиции, фотографии и даже современные туристические путеводители. Историографический обзор разделен на несколько параграфов по проблемному (отдельное внимание уделено марксистской историографии), региональному и национальному признакам. В последнем случае деление историков на «еврейских», польских или российских имеет условный характер. Так, среди «еврейских историй» перечислены не только израильские или американские авторы, но и немецкий историк Франк Голчевский, польские исследователи Алина Цала и Божена Уминьска, литовский ученый Дариус Сталюнас. В разряд «польских и российских историй» попадают Ханс Роггер и Егор Врядий (С. 190–191). При этом чтение книги убеждает нас в пользу скорее транснационального подхода, для которого свойственно не противопоставление, но сопоставление национальных нарративов, когда те или иные взгляды авторы разделяют вне зависимости от своего этнического происхождения и даже политических симпатий.

Одна из проблем, затронутых в книге, тесно связанной с социологическим подходом, – соотношение коллективных форм и индивидуального поведения. Марксизм гомогенизирует жертв и лишает лица «виновников» («вина» в системе, а не в конкретных людях) (С. 22), в национальных ев-

рейских нарративах еврейское население представлено как монолит или пассивная жертва исконной ненависти. В «Введении» к своей книге А. Марковский отмечает, что не занимается изучением распространения антиеврейских настроений (С. 33), хотя соглашается, что идейный антисемитизм был в это время прочно укоренен особенно в армии и в чиновничестве (С. 285). Впрочем, в другом месте он отмечает, что в судебных источниках редко можно встретить проявление «идейного антисемитизма» (С. 258). В любом случае автор следует общему направлению современной историографии, в которой фокус изучения общественных настроений смещается от статичных структур и институтов в сторону более глубокого понимания локальных практик и контекстов. А. Марковский отмечает конфликты и противоречия между фабричными рабочими и ремесленниками, что недооценивалось в советской историографии, в то время как еврейское население города также не было гомогенным, отличаясь социальной и культурной дифференциацией, – факт, который обычно игнорировался в национальном еврейском нарративе.

А. Марковский предлагает отказаться от схематизма в описании погромных действий толпы. Он приводит список имен привлеченных к суду погромщиков, но не уточняет, в каких именно действиях они были замешаны. Обращает на себя внимание, что среди 15 обвиняемых 8 были женщинами (С. 340).

Вместе с тем автор убежден в существовании глубокого, прочного и однозначного «этнического и языкового разделения» между еврейским и христианским населением города (С. 222, 234, 258); в другом месте он даже пишет о погроме как о конфликте «между разными мирами воображений» (С. 457) или об «археологическом мотиве распада локальной общности на три группы – “еврейскую, нееврейскую и русскую” (!?)» (С. 204–205). При этом данные переписи о языковой картине Белостока, которые приводит А. Марковский (а они не учитывают факта, что люди могли свободно говорить на двух и более языках), очевидно, не отражают существование двойственных и множественных идентичностей, которые были широко распространенным явлением в атмосфере модернизации позднеимперской России [Хамфри 2010, 219]. Так, привлекая материалы о погроме в Одессе, Кэролайн Хамфри привела примеры того, как христиане вступали в ряды еврейской самообороны, а люди, которых считали евреями, оказывались вовлеченными в толпы погромщиков [Хамфри 2010, 219] (не говоря уже о весьма многочисленной группе крещеных евреев). И. Герасимов пишет о том, что половина портовой артели «Союза Михаила Архангела» составляли евреи [Герасимов 2003, 244]. При этом отметим, что сам А. Марковский упоминает, что евреи работали вместе с христианами на одних фабриках и сыромятнях, арендовали христианские квартиры и т. д. Конструирование этнических и религиозных границ и идентичностей, их восприятие, соблюдение и нарушение

простыми людьми того времени, несомненно, нуждается в дополнительных исследованиях.

Видя причины антиеврейского насилия в социальных отношениях, А. Марковский приводит в качестве примера конфликты между фабричными рабочими и низкоквалифицированными работниками (последние преимущественно были евреями) за места у станков. При этом пролетариат составлял менее 8% городского населения (С. 228). Иными словами, эти конфликты, возможно, не определяли общую картину социального неблагополучия. Более важным представляется наблюдение автора о том, что евреев, составлявших более 60% населения города и плативших большую часть налогов, не допускали в местные органы власти и ограничивали их роль в публичной сфере. Как кажется, тема присутствия евреев в органах городского самоуправления, на городских церемониях и праздниках практически не освещена в научной литературе¹.

Поведение толпы А. Марковский объясняет при помощи теории моральной экономики. Автор этой концепции английский историк Э. Томпсон изучал хлебные бунты в Англии XVIII в. По его мнению, поведение бунтовщиков было обусловлено не только экономическими трудностями, но и представлениями о традиционных социальных нормах, о хозяйственных функциях, долге и особых обязанностях некоторых членов общества. Грубые нарушения основных моральных понятий относительно производства и торговли вызывали волнения так же часто, как и настоящая нужда. Анализ требований бунтовщиков и всех их действий показывает, что главной их целью являлось восстановление строгого соблюдения норм «моральной экономики». Так же, как и хлебные бунты, еврейский погром был направлен на восстановление кажущейся гармонии и иерархии, в которой евреи занимали невысокое положение. Эта интерпретационная схема, возможно, хорошо работает при изучении погромной волны начала 1880-х гг., когда жертвы (как и при хлебных бунтах XVIII в.) были немногочисленны и даже случайны. Вместе с тем погромная волна 1903–1907 гг. сопровождалась десятками и сотнями жертв. А. Марковский специально отмечает, что действия погромщиков были направлены не на грабеж или уничтожение имущества, но на убийство и насилие над людьми (С. 246). Кровавый характер погромов 1903–1907 гг. объясняют действиями еврейской самообороны, которые Марковский определяет как защитные. При этом стоит отметить, что автор далек от представления евреев как пассивных участников событий. По его мнению, в кровавых событиях в Белостоке действовали три участника (актора): толпа, еврейская самооборона и армия (С. 303). «Кровавая волна» была запущена еврейскими анархистами, которые бросили в православную процессию бомбу и открыли револьверный огонь. Однако

¹ Как правило, речь идет об отношениях между евреями или отношениях их представителей с центральными органами власти [Lederhendler 1989; Минкина 2014].

уже к этому времени ситуация в городе была крайне напряженной, и погром стал лишь «самоисполняющимся пророчеством». Пристальный анализ источников приводит автора к выводу, что в июне 1906 г. в Белостоке произошло несколько погромов; толпа убивала евреев, не разбирая возраста и пола, в то время как армия, введенная в город для подавления беспорядков, убивала молодых евреев, видя в них явных или потенциальных революционеров (С. 383, 390)². Заслуживает внимания анализ автором штабных отчетов и административных документов, в которых нет свидетельств тому, что власти или военные инициировали погром (С. 271). Эти источники отличает спокойствие и адиафоризация (С. 269).

Признавая революционный контекст антиеврейского насилия, А. Марковский подробно рассказывает, как события в Белостоке повлияли на политическую жизнь в стране. Власти рассматривали погром как политический конфликт, и евреи стали лишь случайными его участниками. Дума направила своих представителей для расследования обстоятельств погрома, однако их отчет, по мнению А. Марковского, носил предвзятый и субъективный характер. Депутаты критиковали власть, обвиняя ее в организации антиеврейского насилия, и пытались расширить полномочия законодательного органа, так как закон не давал народным представителям права на собственные расследования (С. 64). Еврейские публицисты того времени, согласные с мнением думских представителей и либеральных публицистов, также использовали белостокский погром в своих политических и идеологических целях.

Говоря о роли эмоций в поведении толпы, следует отметить, что язык и риторические элементы пропаганды получают в научной литературе самостоятельную функцию (а не являются отражением социальных или экономических противоречий) и приводят к аффективным реакциям и росту насилия [Хамфри 2010, 226]. Кроме того, рассказывая о социальном составе погромной толпы, следует иметь в виду, что большинство погромщиков составляли рабочие, для части которых еврейский погром не отличался от

² Ср., как описывает белостокский погром Г.Р. Кузнецов: «В белостокском противостоянии можно выделить несколько этапов. Сначала в результате террористической активности боевых дружин различных революционных направлений, среди которых первенствовали анархисты и бундовцы, гибли представители власти. Это возбуждало глухое недовольство в народе. Происходил ответный спонтанный всплеск агрессии мирного славянского населения против провокационных и насильственных действий самообороны, на что следовала повторная реакция боевиков, выливавшаяся в расстрел крестьян на ярмарке или забрасывание бомбами крестных ходов... Открытое вооруженное сопротивление самообороны подавлялось, но у нее сохранялись основные ресурсы для дальнейшей подрывной деятельности. А в тылу у армейских подразделений люмпенизированные элементы творили бесчинства над лишенной защиты беднейшей частью еврейского населения» [Кузнецов 2010, 70–71]. В этом описании можно увидеть модификацию правительственной версии антиеврейского насилия начала XX вв. как элемента политической борьбы.

других форм антисистемных выступлений: стачек, строительства баррикад, экспроприаций и, возможно, в них могли принимать участие не только лояльные к режиму жители Белостока, но и революционные массы.

По наблюдению А. Марковского, религиозные мотивы не играли в белостокском погроме, который начался с нападения на религиозную процессию, значимой роли (С. 58). Эта точка зрения соответствует принятому в историографии мнению об отсутствии религиозных мотивов в погромах особенно первой волны 1880-х годов (так, например, объектами нападений не становились религиозные здания) [Klier 2011, 70]. В этом отношении любопытно отметить отношение еврейской общины к убитым белостокским евреям (в том числе революционерам-анархистам?) как мученикам за веру (*kiddush ha-shem*) (С. 377) – статус, который имели евреи, погибшие из-за своего отказа принять христианство, а не только убитые во время погрома. Важно также отметить, что автор приводит реакцию католического духовенства на погром – виленского епископа Эдварда фон Роппа, осудившего антиеврейское насилие и обвинившего в нем полицию и армию (но не гражданские власти), хотя в других обстоятельствах он мог проявлять антисемитскую позицию (С. 345). Православные издания, кроме «Церковной газеты», осудившей погром, проигнорировали события в Белостоке. Тем не менее, это наблюдение позволило сделать вывод о «программной враждебности» к евреям православного духовенства. В другом случае автор сравнивает сжигание христианской семьи в пакистанской деревне в 2014 г. с охотой на ведьм (!) и еретиков в России XIX в. (С. 437).

Монография А. Марковского написана в контексте польской исторической чувствительности, «расколдования» польско-еврейских отношений. Не без влияния работ по истории Холокоста автор считает важным показать, что ни иноземные власти, ни пришедшие извне хулиганы, а именно «соседи» стали наиболее многочисленными исполнителями еврейского погрома (С. 157–158). Подобно тому, как некогда «чудо беспамятства» позволило Белостоку нормализовать социальные отношения после 1906 г., так и сейчас неприятная правда нужна для более целостного восприятия прошлого.

Литература

- Герасимов 2003 – Герасимов И. «Мы убиваем только своих»: преступность как маркер межэтнических границ в Одессе начала XX в. (1907–1917) // *Ab Imperio*. 2003. №1. С. 209–260.
- Кузнецов 2010 – Кузнецов Г.Р. Союз русского народа и «погромная тревога» 1906–1907 гг. // *Вестник Московского университета*. 2010. Сер. 8. История. №1. С. 65–75.

- Минкина 2014 – Минкина О.Ю. “Сыны Рахили”. Еврейские депутаты в Российской империи, 1772–1825. М., 2014.
- Хамфри 2010 – Хамфри К. Одесса: погромы в городе-космополите // Антропологический форум. № 12. С. 213–247.
- Aronson 1990 – Aronson I.M. *Troubled Waters: The Origins of The 1881 Anti-Jewish Pogroms in Russia*. Pittsburgh, 1990.
- Klier 2011 – Klier J.D. *Russians, Jews and the Pogroms of 1881–1882*. Cambridge; New York, 2011.
- Lederhendler 1989 – Lederhendler E. *The Road to Modern Jewish Politics. Political Tradition and Political Reconstruction in the Jewish Community in Tsarist Russia*. N.-Y., 1989.
- Rogger 1986 – Rogger H. *Jewish Policies and Right Wing Politics in Imperial Russia*. Berkeley, Cal., 1986.

Andrey Shpirt (Moscow, Russia)

Center for Ukrainian and Belarussian studies. History department, Moscow State University

Ph.D. in History

E-mail: futesas@gmail.com

ORCID: 0000-0002-0611-9809

DOI: 10.31168/2658-3364.2020.1.17

References

- Aronson, I.M., 1990, *Troubled Waters: the Origins of the 1881 Anti-Jewish Pogroms in Russia*. Pittsburgh, University of Pittsburgh Press, 286.
- Gerasimov, I., 2003, “My ubivaem tol’ko svoikh”: prestupnost’ kak marker mezhetnicheskikh granits v Odesse nachala 20 v. (1907–1917) [We Kill Only Our Fellow-Men: Criminality as a Marker of Inter-Ethnic Borders in Odessa of Early 20th Century (1907–1917)]. *Ab Imperio*, 1, 209–260.
- Humphrey, C., 2010, *Odessa: pogromy v gorode-kosmopolite* [Odessa: Pogroms in a Cosmopolitan City]. *Antropologicheskii forum*, 12, 213–247.
- Klier, J.D., 2011, *Russians, Jews and the Pogroms of 1881–1882*. Cambridge, New York, Cambridge University Press, 492.
- Kuznetsov, G.R., 2010, *Soiuz russkogo naroda i “pogromnaia trevoga’ 1906–1907 gg.* [Union of the Russian People and the “Pogrom Alert’ of 1906-1907]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 8, Istoriia*, 1, 65–75.
- Lederhendler, E., 1989, *The Road to Modern Jewish Politics: Political Tradition and Political Reconstruction in the Jewish Community of Tsarist Russia*. New York, Cambridge University Press, 240.

Markowski, A., 2018, *Przemoc antyżydowska i wyobrażenia społeczne: pogrom białostocki 1906 roku* [Anti-Jewish Violence and Social Imagery: the Białystok Pogrom of 1906]. Warsaw, Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 514.

Minkina, O.Yu., 2014, “*Syny Rakhili*”: *evreiskie deputaty v Rossiiskoi imperii, 1772–1825* [Rachel’s Sons: Jewish Deputies in the Russian Empire, 1772-1825]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 344.

Rogger, H., 1986, *Jewish Policies and Right-Wing Politics in Imperial Russia*. Berkeley, University of California Press, 289.